

Согласно Фемистию, объехавшему с императором Валентом ряд мелких фрурий Дуная, у пограничников не было иных источников получения продовольствия, кроме государственных поставок и грабежа (Ог. X. 136). Но совет Анонима IV в. провести сокращение военных расходов путем предоставления солдатам земельных наделов говорит о том, что политика государства в этом вопросе была диаметрально противоположной (Аноп. De reb. bell. 5).

Любопытно отметить тот факт, что все законы, запрещавшие захват лимитанских полей, предназначены только для восточных и африканских провинций и обходят дунайские. Почему же в таком случае военные земли постоянно, судя по данным законодательства со второй половины IV в. и до середины VI в., приватизировались на Востоке, а не на Дунае? Очевидно, ссылки на то, что дунайская граница была более опасной, нежели восточная, несостоятельны: персы были не менее грозным врагом, чем германцы. Думается, что до известной степени это объясняется разницей в происхождении и реальной эволюции этой категории земель в дунайских и восточных провинциях, равно как и разрядов населения, обрабатывающих их. Согласно А. Мочи, со времени Септимия Севера в институте *territoria militaria* произошли важные изменения; прекращается дарование статуса муниципиев канабам, и виканам этих земель облагаются новым налогом — *annona militaris* в пользу легиона провинции¹⁰. *Praedia* легионов предназначались и для дедитициев, которые и представляли собой тип солдат-колонов.

Такая же ситуация прослеживается и в африканских провинциях: «. . . пространства земель, которые были дарованы человеческой заботливостью древним племенам (*gentilibus*) ради надзора и укрепления лимеса. . .» (С. Th. VII, 15, 1). И в начале V в. равенский двор предоставлял их в первую очередь *gentilibus* либо, по крайней мере, за заслуги ветеранам с обязанностью охранять лимес (Ibid. С. Th. XI, 30, 62). По Августину можно даже проследить их организацию: «Ведь у нас, т. е. в Африке, есть бесчисленные варварские племена. . . которые приводятся оттуда пленные и здесь смешиваются с римскими рабами. . . Прошло, однако, немного лет, с тех пор как некоторые из них, редчайшие и немногочисленнейшие, которые мирно соседствуют с римскими пределами, так что не имеют своих царей, но над ними Римской империей устанавливаются префекты. . .» (Aug. Ep. 199, 46). Очевидно, такое положение сохранялось до вандальского завоевания, означавшего конец римского лимеса в Африке.

В связи с этим вполне закономерен вопрос о том, не пытался ли Юстиниан копировать в африканских провинциях опыт восточного или балканского пограничья? Приведенные выше данные о военном землевладении на дунайской и африканской границах IV—начала V в. в значительной мере отличаются от соответствующих разделов программы провинциального обустройства отвоеванных у вандалов областей, представленной в знаменитом законе 534 г.: «. . . поскольку кажется нам необходимым, чтобы, кроме воинов *comitatenses*, по лагерям устанавливались воины *limitanei*, которые могли бы и лагеря и города лимеса оборонять и земли возделывать, чтобы, видя их, другие провинциалы по частям сходились в те места» (Cod. Just. I, 27, 2, 8). Любопытно, что дальше в законе (на это исследователи обычно не обращали внимания) звучит боязнь повторения в отвоеванной Африке негативной практики, имевшей место в восточных провинциях до 533 г. Выражая надежду на то, что лимитаны смогут решать задачи обороны их участков границы без помощи походных сил, Юстиниан подчеркивает: «. . . чтобы никакого ущерба не потерпели упомянутые лимитаны от дуксов или их чиновников (*ducianis*), и чтобы они не присвоили себе что-либо обычное из их жалования обманом для своей пользы» (Ibid.).

Речь, вне сомнения, идет о злоупотреблениях при обязательном отчислении 1/12 части государственной анновы лимитанов для содержания канцелярий дуксов, установленном в V в. (Nov. Theod. XXIV. 2). При-

¹⁰ М6сы А. Pannonia and Upper Moesia. L.; Boston, 1974. P. 218—219.